

В 1897 г. семья Осипа Эмельевича Мандельштама (далее О. М.) переехала из Павловска в Петербург. Образ города в стихах и прозе О. М. неразрывно связан с первыми впечатлениями детства поэта. Все петербургское в творчестве О. М. пронизано совершенно отличным от его предшественников ощущением города через его архитектуру, мелодию его строений. В статье «Кровавая мистерия 9-го января» О. М. писал: «Архитектурная идея Петербурга неизбежно приводит к представлению мощного центрального единства. Всеми своими улицами, облупленными, желтыми и зелено-серыми, Петербург естественно течет в мощный гранитный водоем Дворцовой площади, к красной подкове зданий, рассеченной надвое глубокой меднобитной аркой с взвихившейся на дыбы ристалищной четверней». Именно сюда, а не к Медному Всаднику пошел восставший народ: «Люди не пошли к Медному всаднику на Сенатскую площадь, потому что с ним тягаться под стать только всей России (...). Уже ни один конь, как у Пушкина, поднят на дыбы, а целая четверка – как выражение четырех стихий. По словам А.А. Ахматовой в «Шуме времени» О. М. «... умудрился быть последним бытописателем Петербурга – точным, ярким, беспристрастным, неповторимым», «блестительный», «державный», «священный», «праздничный» – это далеко не все мандельштамовские определения Петербурга – Петрограда – Петрополя. С его «келтизной правительственные зданий», «посольствами полумира» – призрачным миражом, где «к зловещему дегтя подмешан желто», Петербург становится ареоном тех катализмов, с которыми неразрывно сплелись жизнь и творчество О. М.

На фотографии показано изображение Петровской линии, когда на фоне Петровской башни на углу О. М. стояла здравница в 1898 г.

На петербургскую почву, на платформу Варшавского вокзала нога маленького О. М.ступила впервые в 1892 г., когда его семья (отец – Эмиль Вениаминович (ок. 1851–1938), мать – Флора Осиповна (ок. 1866–1916)) приехала сюда из Варшавы, где он родился 2 (14) января 1891 г. В Варшаве родился человек, а в Петербурге поэт. И не с Варшавой, а с Петербургом связаны первые его ребяческие воспоминания: «Мрачные толпы народа на улицах были первым моим сознательным и ярким восприятием. Мне было ровно три года. Год был 94-й, меня взяли из Павловска в Петербург, собравшись поглядеть на похороны Александра III. На Невском, где-то против Николаевской, сняли комнату в меблированном доме, в четвертом этаже. Еще накануне вечером я взобрался на подоконник, вижу: улица черна народом, спрашиваю: “Когда же они поедут?”, говорят – “Завтра”. Особенно меня поразило, что все эти людские толпы ночью напролет проводили на улице. Даже смерть мне явилась впервые в совершенно неестественно пышном парадном виде». Время действия названо самим О. М. (1894 год), место же – дом купца Г.И. Бененсона, на Невском, 98, наискосок от створа Николаевской улицы. Дом четырехэтажный, и в нем действительно располагались меблированные комнаты. Так частности личной жизни вплетаются в историю Петербурга, создавая своеобразное триединство места, времени и действия. До 1897 г. семья Мандельштамов жила в тихом Павловске. «Вышли так», – писал позднее О. М. в «Шуме времени», – что мы сделались Павловскими зингоморами, то есть круглый год на зимней даче жили в старушечьем городе, в российском полу-Версале, городе дворцовых лакеев, действительных статских вдов, рыжих приставов, чахоточных педагогов – (жить в Павловске считалось здоровее) – и взяточников, скопивших на дачу-обсо-бяко».

первый петербургский адрес О. М. – это Максимилиановский переулок, 14 (ныне Пирогова), где семья прожила в 1889(?) год. В следующем году они переселились на Мещанская, 14 (нынешней Гражданской), а в 1900 г. вернулись снова в соседство Мариинского театра на Офицерскую, 17. «В Петербурге есть еврейский квартал: он начинается как раз позади Мариинского театра, там, где мерзнут барышники, за тюремным ангелом скоревшего в Революцию Литовского замка. Там, на Торговых, попадаются еврейские вывески с быком и коровой, женщины с выбывающими из-под косынки накладными волосами и семенящие в сюртуках до земли многоопытные и чадолюбивые старики». Пройдут годы, и в зарисовке «Хаос Иудейский» из «Шума времени» О. М. так описнет места рядом с Мариинским театром и синагогой, где прошло его детство: «Раз или два в жизни меня возили в синагогу, как в концерт, с долгими сборами, чуть ли не покупая билеты у барышников; и от того, что я видел и слышал, я возвращался в тяжелом чаду». Весь этот хаос оказался совершенно чужд душе мальчика, которого французские бонны и русские няни водили гулять в иней Петербург, расположенный по соседству, где возвышался конный памятник Николаю Первому. «Случилось так, что раннее мое петербургское детство прошло под знаком самого настоящего милитаризма и, право, в этом не моя вина, а вина моей няни и тогдашней петербургской улицы». О. М. описывает свои прогулки: «Мы ходили гулять по Большой Морской в пустынной ее части, где красная лютеранская церковь и торцовавшая набережной Мойки. [...] Скажу и теперь, не обнущаясь, что, с семи или восьми лет, весь массив Петербурга, гранитные и торцовые кварталы, все это нежное сердце города, с разливом площадей, с кудрявыми садами, островами памятников, картиадами Эрмитажа, таинственной Миллионной, где не было никогда прохожих и среди мраморов затесалась всего одна мелочная лавка, особенно же арку Главного штаба, Сенатскую площадь и голландский Петербург я считал чем-то священным и праздничным». «Проезды» царской семьи, майские парады на Марсовом поле, будничные муштровки морских гвардейцев, беседы с дражайшим гренадером на посту у памятника Николаю Первому составляли развлечения будущего автора «Камня», «Шума времени», «Египетской марки». По суждению Ахматовой: «У него эти полузаубытые и многократно оболганные улицы возникают во всей свежести 90-х и 900-х годов». «Ребяческим империализмом» назвал свою жажду державного Петербурга сам О. М.

По другую сторону от кварталов детства О. М. раскинулась Коломна, во времена Пушкина еще петербургская окраина. Сюда к Покровской площади водили мальчиком О. М. брат уроки музыки: «А на Садовой у Покрова стоял коланч». В январские морозы она выбрасывала виноградины сигнальных шаров – к сбору частей. Там неподалеку я учился музыке. Мне ставили руку по системе Лешетицкого». Музикант, как хотела бы быть О. М., сама дававшая еще и в 1900-е гг. уроки музыки, из него не получилось. Однако любовь к музыке и тонкое ее понимание О. М. сохранили на всю жизнь. Знавший его хорошо по Петербургу 1910-х гг., композитор А.С. Лурье писал: «Иногда он приходил ко мне поздно вечером, и по тому, что он быстрее обычного бегал по комнате, ероша волосы и улыбаясь, но ничего не говоря, и по особенному блеску его глаз догадывалась, что с ним произошло что-нибудь «музыкальное». На мои расспросы он сперва не отвечал, но под конец признался, что был в концерте». В 1899 г. О. М. был отдан в частное Тенишевское коммерческое училище, общеобразовательную экспериментальную школу, которая работала по программе реальных училищ, но подчинялась министерству финансов, что давало ей определенную свободу действий, в отличие от казенных школ, вывших в ведении министерства народного просвещения. Поначалу училище, основанное меценатом кн. В.Н. Тенишевым, располагалось на Загородном пр., 17. «На Загородном, во дворе огромного доходного дома, с глухой стеной, издали видной боком, и шустровской вывеской, десятка три мальчиков в коротких штанышках, шерстяных чулках и английских рубашечках со страшным криком играли в футбол. У всех был такой вид, будто их возили в Англию или Швейцарию и там приодели, совсем не по-русски, не по-гимназически, а на какой-то кембриджский лад», – начинает О. М. свой рассказ о Тенишевском училище в «Шум времени». В 1900 г. оно переезжало в новое здание на Моховую улицу, 33/35 со знаменитым «Амфитеатром», где выступали поэты, устраивал вечеря Литературный Фонд, заседали разного рода съезды. «Амфитеатр с откидными партами, разбитый удобными дорожками на секторы, с сильным верхним светом, в больших дни брался с боем, и вся Моховая кипела, наводненная полицией и интеллигентской толпой». А в дворовом корпусе с огромными квадратами окон располагалась флигель, где «воспитывались мы в высоких стеклянных ящиках», – вспоминал позднее О. М. Из учителей запомнился Вл. В. Гипплиус, поэт-символист, публиковавшийся под псевдонимом Вл. Бестужев и Вл. Нелединский. Учитель словесности, преподававший детям вместо литературы гораздо более интересную науку – «литературную злость», а также «светлая личность», – директор А.Я. Острогорский, физиолог профессор кн. И.Р. Тарханов, доктор-гигиенист А.С. Вирениус, «для «лейтейнинской батюшки в фиолетовой рясе» – законоучитель Д.Ф. Гидаспов. За годы учебы О. М. семья сменила несколько квартир, более двух лет не задерживались ни в одном доме. С Офицерской переехали на Можайскую, 1, угол Загородного, поближе к зданию, которое вначале снимало Тенишевское училище. С переездом училища на Моховую сменили адрес и Мандельштамы, перебрались сначала на Литейный 49, потом опять на Можайскую, затем на Литейный проспект, 15.

Из всех сочинений, ближе всех О. М. окажется Борис Синчани, сын известного петербургского психиатра

Из всех соученников ближе всех О. М. окажется Борис Синани, сын известного петербургского психиатра Б.Н. Синани, близкого народнику (Пушкинская ул., 17) в его доме О. М. наблюдал революционно настроенных молодых людей. Позднее он напишет: «Мальчики девяностот пятого года шли в революцию с тем же чувством, с каким Николенька Ростовшел в гусары». Как бы ни было юному поэту «смутно и беспокойно», он в какой-то мере поддавался тому влиянию, которое исходило от Синани. В старших классах О. М. стал писать стихи. Первые публикации О. М. появились в 1907 на страницах журнала Тенишевского училища «Пробужденная мысль». Впечатления от событий 9 января 1905 года вылились позднее в очерк «Кровавая мистерия 9-го января». По его мнению, это была «петербургская трагедия – «она» могла развернуться только в Петербурге, – его план, расположение его улиц, дух его архитектуры оставили неизгладимый след на природе исторического события». К осени 1906 относится первое воспоминание о публичном чтении О. М. своих стихотворений. Принадлежит оно М.А. Волошину. Произошло это на приеме у вицекомиссии Изабеллы Афанасьевны Венгеровой, сестры знаменитого литератора-ovedа профессора С.А. Венгерова. В сопровождении матери, родственницы Венгеровых, появился «мальчик с темными, свинутыми на переносицу глазами, с надменно откинутой головой, в черной курточке частной гимназии». Волошин передает свое впечатление от юного поэта: «Вот растет будущий Брюсов», – формулировал я кому-то (...) свое впечатление. Он читал тогда свои стихи». Происходило это на Галерной, 63, где жила в ту пору И.А. Венгерова. До нас не дошли стихи, которые слышал в тот вечер Волошин. Ко времени окончания учебы в 1907 г. О. М. жил с семьей на Ивановской улице, 22 (по другим сведениями – на Коломенской, 37). Отсюда в конце октября (по новому стилю) 1907 г. он уехал во Францию, в Париж. В 1908 г., вернувшись из Парижа в Петербург, О. М. поселился на Сергиевской, 60. Появление же его на литературной арене связано с рождением журнала «Аполлон» в 1909. С домом на наб. Мойки, 24, где располагался журнал, соотносится апокрифо-комический рассказ его редактора С.К. Маковского о появлении у него в 1909 г. конфузливого юноши, льнувшего к матери, решительно протянувшей тетрадочку со стихами сына с требованием немедленного решения дилеммы – писать ли ему стихи или торговать кожей. Прочтя во взгляде юноши «напряженную, упорно страдальческую мольбу», он объявил матери: «Да, сударыня, ваш сын – талант!». В ответ Маковский услышал: «Отлично, я согласна. Значит – печатайте!». Первые стихи О. М. будут напечатаны год спустя в девятом номере «Аполлона» за 1910 г. К этому времени относятся и участия О. М. в сборниках Религиозно-философского общества. Секретарь общества С.П. Каблуков, познакомившийся с О. М. в 1910 г., записал, что он «призванием своим считает поприще лирического поэта». В 1910 г. жил О. М. уже по другому адресу: Колокольная, 5. Из этого дома он в 1908 г. отправляется за границу, на этот раз в Германию, слушать лекции в Гейдельбергском университете. Уезжал он с Варшавского вокзала и на него же вернулся из Германии. Г.В. Иванов в «Петербургских зимах» написал: «...Из третьего класса заграничного поезда вышел молодой человек. Никто его не встречал,

жа у него не было, – единственный членом он потерял в дороге». Возвращившись в Петербург, он поселяется – таки на новом месте, на Загородном, 70. Живя в этом доме, О. М. поступает в 1911 г. в Петербургский университет на романо-германское отделение историко-филологического факультета. Для того, чтобы поступить в университет, куда путь евреям был прегражден процентной нормой, О. М. крестился в мае 1911 г. в методистской церкви в Выборге. С той же осени 1911 г. О. М. входит в Цех Позотов, созданный Гумилевым и Городецким. На квартире первого, в доме 143 по наб. Фонтанки, состоялось первое заседание, на котором присутствовал и Мандельштам. Тогда же собирались и у других членов Цеха, прежде всего у М.Л. Лозинского на Васильевском острове во втором этаже дома в Волховском переулке, 2. К Лозинскому (известному своей щедростью) обращены строки из «Ангологии юношеской глупости»: «Сын Леонида был скуп, и кратеры хранил он ревниво, / Редко он другу струил пенное в чашу позотова. / Так он любил говорить, возлежа на тралезе с прищельцем: – / Скифам любезно вино, мне же любезны подалеку». Здесь же помещалась и редакция созданного всеми журналом «Гиперборей», где О. М. неоднократно печатался. Однажды, в Тучковом переулке, не раз бывал О. М. у Ахматовой и Гумилева. Встречались они, по воспоминаниям Ахматовой, и в китайском ресторане Кинши: «Я вижу его как бы сквозь редкий дым – туман Васильевского острова ресторана былъ. «Кинши» (угол Второй линии и Большого проспекта ...), где когда-то, по легенде, Ломоносов купил казенные часы и куда мы (Гумилев и я) иногда ходили завтракать с «Тучки». Ресторан располагался на самом деле на углу Первой линии и Большого проспекта. С другим петербургским ресторатором тех лет («Веной» Л. Гоголя), посещаемым поэтами, связан написанный О. М. 10 декабря 1911 г. эпстом на избрание в тот день Блока «королем русских поэтов» («блок / Король / И мат прошка...»). В том же году О.М. впервые поднимается на сцену в театре императора Вячеслава Иванова. Именно здесь О. М. впервые увидел Ахматовых: «Я познакомилась с Мандельштамом на

шной Вячеслава Иванова, именно здесь О. М. впервые увидел Ахматову: «Я познакомилась с Мандельштамом на станции» Вячеслава Иванова весной 1911 года». Во второй раз они встретились на Старо-Невском проспекте у А.Н. и Толстых. В 1912 г., живя на Загородном пр., О. М. написал стихотворение «Царское Село», посвященное Георгию новому. С Царскосельского вокзала начиналась для О. М. дорога и на Павловск: «к Павловску, как в некий Элизиум, склонился весь Петербург. Стихи павловских и железнодорожные звонки мешались с патристической какофонией оторвавшегося двенадцатого года, и особый запах стоял в огромном вокзале, где царили Чайковский и Рубинштейн». Атмосфера музыкального Павловска О. М. прекрасно передал в стихотворении 1912 г. «Концерт на вокзале». Доступилось воспоминание Ахматовой, как О. М. экспрессом написал четверостишие «Черты лица искашены...»: «Я с Мандельштамом на Царскосельском вокзале (10-е годы). Он смотрел, как я говорю по телефону, через стекло окна. Когда я вышла, он прочел мне эти четыре строчки». Шуточные, экспрессом созданные стихи рождались порою самым разным поводам. Так, посещение квартиры филолога-востоковеда В.К. Шилейко, жившего на Песках в 4-й Достоевской улице, отозвалось стихотворением «Смертный, откуда идешь? – Я был в гостях у Шилейки...». В его дневнике выражено в шутливой форме понимание «социальной географии» города: «Если такие живут на Четвертой Достоевской люди, / Путник, скажи мне, прошу, как же живут на Восьмой?». Автором «Камни», О.М. часто посещал салон Чудовских на Алексеевской, 5. В.А. Чудовский – критик, стиховед, член «Аполлона», его женой А. Зельмановой, художницей, жененикой редкой красоты, О. М. было одно время очарован. «Она написала его на синем фоне с закинутой головой», – вспоминала Ахматова. Довольно часто О. М. звал Ю.Ю. Лянду, жившего на наб. Фонтанки, 23, кв. 3 у Аничкова моста. Он занимал комнату на первом этаже дома напротив Екатерининского института. Один из его посетителей, М.В. Бабенчиков, вспоминал: «Старинная мебель, полки с книгами и гравюры на стенах делали ее похожей на интерьер первой половины прошлого века, а вечерние сборища, происходившие в ней, – на собрания пыльных “архивных юношей” пушкинских поры. Кружке Лянды» до хрюкоты спорили о поэзии и не раз раздавался густой голос Осипа Мандельштама, читавшего стихи». Уже «признанным мэтром», О. М. печатает стихи в «Новом журнале для всех» и бывает по средам на собраниях «к чаем» в Эртельевом переулке, 3. Он становится посетителем и знаменитого поэтического кабаре «Бродячая собака» на Михайловской площади, а позже «Привала комедиантов», расположившегося в подвале дома мини на углу Марсова поля и набережной р. Мойки. Во время одного из вечеров в «Бродячей собаке» (3 января 1913 г.) после чтения Ахматовой к ней подошел О. М. и прочел тут же написанное стихотворение «Всполборота – печаль!». В конце марта 1913 г. под грифом издательства «Акма» выходит первый сборник стихов О.М. «Камень». Это издание готовилось в издательстве М.В. Аверьянова, но вышло, по желанию автора и на его средства, под криком «Гипербorea». Оба издания «Камни» были напечатаны в типографии на ул. Гоголя, 9; первый «Камень» вышел в 1913 г. тиражом 300 экземпляров и второй в декабре 1915 г. – 1000 экземпляров. В него вошло многое из того, что было написано в Петербурге, начиная с 1908. «Зодчеством прекрасных форм» назвал поэзию О. М. известныйolog В.Л. Жирмуровский.

Петербургская тема сборника отмечена, прежде всего, реминисценциями из «Медного Всадника». Чувство ционии сливается с предчувствием грозных перемен, которые не заставят себя долго ждать. Город «с его чистыми забельными линиями» с детства вошел в сознание О. М., закрепившись затем в стихах и прозе. Архитекторами поэтов перекликается с архитектурой города. Пoэт строит свои создания, используя все возможности слова, граней и форм, подобно тому как юный использует все возможности камня. Никто до О. М. не умел постигнуть красоту одной строкой душу каменных строений Петербурга: Адмиралтейства – «Сей колумнудро построенный храм», Казанского собора – «И распластался храм Господень, / На легких крестовик-пауко и Александровской иконы – «Столпник-ангел вознесен». В ту пору, когда выходит первое издание «Камня», его автор живет еще вместе с родителями на Загородном, 14. Частые перемены квартир отнюдь не были связаны с «хохотом к перемене мест», а олицетворяли лишь коммерческими неудачами отца, его долгами и недоразумениями с домовладельцами (Е.Э. Мандельштам выывает это и со специфической материинской охотой к перемене мест). Прочно осесть отцу удается лишь в 1916 г., когда он с семьей поселяется в доме Гиршфельд на Каменноостровском проспекте, 24-а, напротив Александровского сада. Этот последний петербургский адрес, по которому О. М. живет вместе с родителями, Каменноостровскому вязаны замечательные строки в «Египетской марке»: «Каменноостровский – это легкомысленный красавец, захвативший свою две единственные каменные руфиши, и ветер с моря свистит в его трамвайной голове. Это город безработный хлыщ, несущий под мышкой свою дома, как бедный щеголь свой воздушный пакет от прачки» в этом проспекте О. М. поселил и своего героя: «Ларнак был человеком Каменноостровского проспекта – одной из тех легких и безответственных улиц Петербурга». В этой же повести О. М. упоминает места, «в которых петербуржцы чащают друг другу свидания»: «...ампирные павильоны в Инженерном саду... фиванские сфинксы... арка в устье черной улицы». Имеются в виду соответственно павильон-пристань (1825) работы К.И. Росси в Михайловском саду, синксы в Академии художеств на Университетской наб., 17 и арка (1829–1836), соединяющая здания Сената и Синода работы К.И. Росси. На большевистский переворот О. М. откликнулся стихотворением «Когда октябрьский нам вил временщик...». С этой поры в его петербургских стихах явственно слышится веяние смерти: «В Петрополе вдруном мы упрем...».

стихотворениях 1917–1918 отразились реалии жизни тогдашнего Петрограда, такие, например, как налеты германских бомбардировщиков на Петроград в 1917–1918 гг. Ахматовой оказалась близка и тема Красного креста, выручка от которых шла на поддержку заключенных Петропавловской крепости. Вспоминали ее в 1917–1918 гг. приходилось читать стихи в самых невероятных местах, так, по воспоминаниям Ахматовой, они вдвоем с О. М. несколько раз выступали на вечерах для раненых в Академии Художеств. Запомнилось Ахматовой, как она вместе с О. М. была на концерте О.Н. Бутомо-Названовой в Консерватории, где артистка пела вальса. Бывал О. М. и у Ахматовой, жившей в ту трудную пору в квартире В.В. и В.С. Срезневских на Выборгской стороне (Боткинская, 9). К 1917–1918 относятся, по утверждению Ахматовой, обращенные к ней стихотворения О. М. которые искали в цветущие мгновенья», «Твое чудесное произношение...»

18 г., недолго прожив на Аптекарской улице, 6, «примерно в марте, Мандельштам исчез», как пишет Ахматова. Ее спасли от революционного города О. М. впервые пришлося служить: он работал в комиссии по разгрому Петрограда, расположенной на Марининской площади, а затем перешел на службу в Наркомпрос. В стихах этого времени уже выражено предчувствие гибели блестящего города. В стихотворении «На страшной высоте блуждающий огонь...» прежде повторяется стих «Твой брат, Петрополь, умирает». Весной 1918 «от рева событий мятежных» О. М. бежал из Петрограда. Сохранилась афиша «Вечера петербургских поэтов», устроенного обществом «Арзамас» 13 мая 1918 г., которой значится в числе других поэтов и имя О. М., уже оставившего Петроград.

После полутора лет скитаний по революционной России О. М. возвращается в Петроград в конце октября 1920. Первое выступление состоялось 21 октября в только что открытом клубе поэтов в знаменитом доме Мурузи на Литейном проспекте, 24. Воспоминание об этом сохранила Н.А. Павлович: «Гамболе интересен был вечер, на котором впервые после своего возвращения в Петроград выступил О.Э. Мандельштам». Голодный Петроград с сохранившимися старыми призывающими аппетитными вывесками, как никогда в своей истории, жил духом и питался стихами. Встречи Ахматовой с О. М. особенно прятывали слушателей. Как вспоминали, когда он читал, то казалось, что он пел

«Одессы», на «Найт-клубе», в «Би-бенч», в «Марине», в «Доме искусств», или ДИСК, – общежитие писателей и художников, разместившееся в особняке купцов Елисеевых на углу Невского и набережной Мойки (Невский 15/59). Он жил в квартире 30-а, которую, помимо него, занимали О.Д. Форш, Ходасевич, М.Л. Лозинский, Н.Н. Пунин и В.С. Познер. Илья Одесцев вспоминал его «кобоскую комнату с семи

Ходасевич, М.Л., Лозинский, Г.Н., Пунин и В.С. Познер, И.В. Овдюевская вспомнили его «бескобокую комнату со семи дверьми», которую писала и его сосед Ходасевич: «обиталище Осины Мандельштама представляло собой нечто столь же таинственное и причудливое, как и он сам». Здесь, в «Сумасшедшем корабле», О. М. встретил новый 1921 г. Сам он вспоминал: «Жили мы в убогой роскоши Дома Искусств, в Елисеевском доме, что выходит на Морскую, Невский и на Фонтанку, поэты, художники, ученые, странной семьей, полупомешанные на пайках, одичавые и сонные...». Ахматова вспоминала: «Как воспоминание о пребывании Осины в Петербурге в 1920 г., кроме изумительных стихов к О. Арбениной, остались: какие живые, выцветшие, как наполеоновские знамена, афиши того времени – о вечерах поэзии, где имя Мандельштама стоит рядом с Гумилевым и Блоком». Памятью об О.Н. Арбениной остались стихотворения «Возьми на руки моих ладоней...», «Минжало, что теперь зима?»... «За то, что я руки твои не сумел удержать...». Зимний блондинок Петроград становится фоном этой любовной лирики. Ее автор, казалось, хочет согреть «дремучий» дух холодного города. Арбениной посвящено и стихотворение «В Петербурге мы сойдемся снова?» Именно в эти стихотворения входят в состав литературного наследия поэтессы, ее памяти, ее поэтической судьбы.

Стихотворения впервые явственны прозвут тема протesta совести против содеянного с городом, погрязшим в черном бархате советской ночи», отличающаяся тем лирическим напряжением, которое мог выразить только С. с его любовью к старому Петербургу.

Поиска Дорина Филипповна Слепян, приглашенная Гумилевым в начале 1921 г. на костюмированном бал в Таврический институт на Исаакиевской площади, писала: «Вспоминаю, как среди костюмированных появился Осип Мандельштам, одетый "под Пушкина", в цветном фраке с жабо, в парике с баками и в цилиндре. Он был тогда также очень популярен, и в тот вечер в одной из переполненных гостиных я увидела Мандельштама, который, стоя на морном подоконнике громадного зеркального окна, выходившего на классическую петербургскую площадь, в эту ночь читал свои стихи. Свет был полупригашен, портьеры раздвинуты и вся его фигура в этом маскарадном

на этом фоне, как на гравюре, осталась незабываемой, вероятно, для всех, кто при этом присутствовал». Клопотами Горького О. М. была выделена комната в Доме Ученых, с окнами в двор во флигелях, по Миллионной улице от гранита и мрамора». Всех, кто посещал в это время О. М., поражала прежде всего его абсолютная чистота и «временность». Своими были лишь папиросы и рукописи. В эту тяжкую петроградскую пору О. М. ставил себе главный вопрос, стоявший перед многими — эмигрировать или остаться. Выбор, хотя и гибельный, был в стихотворении «Люблю под словами седых тишины...» (1921), посвященном Исаакиевскому кафедральному собору в своем поэтическом выражении. В свойственном поэту стиле он провозглашает свое предпочтение Исаакия константинопольской Айе-Софии ему собору С. Петра. Сказав «Кем в вам влечется дух в годины тяжких бед», сделал свой выбор «(зовеки имеют)», поэт осознает, вместе с тем, что «влечется» по Исаакиевским ступеням «несчастия волчий след». И, страшится Петрограда и снова на время покидает его. Последним событием этого периода жизни О. М. в аудиоформате станет его участие в проведении дня памяти Пушкина, который был отмечен панихией в Исаакиевском Сохранилась запись А.И. Оношкович-Яцыны в ее дневнике от 14 февраля 1921 г.: «Идея панихиды принадлежит штампу. Он бродит под колоннами, вытирая колесом узенький грудь, уморительно-торжественный». Вечером Литераторов на Бассейной ул. состоялся вечер. Через несколько дней поэт уехал в Москву. Н. М. позднее так писала отъезд О. М.: «В Петербурге двадцатого года Мандельштам своего «мы» не нашел. Круг друзей поредел». После отъезда О. М. был арестован и затем расстрелян Гумилев. На его гибель отзыается О. М. трагическими и стихотворениями «Концерт на вокзале» и «Умывался ночью на дворе...»

отсутствия О. М. в Петрограде приходится лик издания его поэтических сборников, выходивших с указанием «Москва — Петроград» на титуле — Камень.1923, «Вторая книга» в издательстве «Круг». Интересно отметить, что где-то на издавались стихотворные сборники О. М., в том числе и последний — «Стихотворения» (1928), все 13-го по 1928-й отмечены указанием на место издания в Петербурге, Петрограде, Ленинграде. Единственное — сб. «Tristia», вышедший в Берлине, но с весьма красноречивым называнием изд-ва — «Petropolis». Всю эти книги делами будет связан и очередной премизд О. М. — уже в Ленинград. Это возвращение происходит почти трехлетнего перерыва, когда в 1924 г. О. М. вместе с женой поселяется на Большой Морской, 49. Здесь она обретает некое подобие быта, о чем Н. М. вспоминала: «Мы достали (...) две прелестные комнаты на 1-м, нечто вроде гарсоньерки, перевезли мебель из Москвы — палисадную горку, туалет и секретер красного цвета, что-то докупили в Ленинграде — город был завален брик-а-браком — и зажили среди красного дерева, корякной березы, старого фаянса и синего стекла». Квартира была снята у актеров театра «Кабаре» спутников. Вскоре в гостях появился Б.Л. Пастернак, бывала Ахматова, и Мандельштамы — у нее на Фонтанке уничтоженного моста. Она вспоминала: «Летом 1924 года О. М. привел ко мне (Фонтанка, 2) свою молодую жену». Журнал на Б. Морской в компании Б.К. Лившица, который был шафером на свадьбе О. М. и Н. Язиной. В конце встречи новый 1925 год. Часть зимы и лета они прожили в Царском Селе. Здесь же, на Морской, О. М. жил и «Шум времени». Его издание готовилось в новом журнале «Ленинград», но напечатанные записи были в 1925 г. отдельной книгой в издательстве «Время». Город, отраженный в нем, по выражению Ахматовой, увиден глазами пятилетнего ребенка». С начала 1924 О. М. на шесть лет перешел со стихов на прозу, и прозу в глубине меры петербургскую. В прошлом, в городе детства, он ищет опору для настоящего, «из петербургского циничного бреда», по его собственному признанию, созида свои творения. По соседству с их домом на Большой Морской, 58 расположалась Немецкая реформатская церковь, построенная у изгиба р. Мойки в 1863-1865 гг. Громким Г.А. Боссе в духе средневековой североевропейской архитектуры. Своеобразное сочетание в ее облике романтического и готического стилей не могло не привлечь внимания поэта, не только посещавшего ее, но и отметившего ее из доминантой той части города, где он тогда жил. С квартиры на Большой Морской связана начавшийся в начале января недолгий роман О. М. с О.А. Вакселем, жившей по соседству в гостинице «Астория», где она и служила. Но об этом романе остались, написанные в этом доме ей посвященные стихотворения «Я буду метаться по лицам темной...» и «Жизнь упала, как зарница...». После разрыва с Вакселем О. М. с женой уезжает в Царское Село, селившись там в пансионе Зайцевой, где в это время жила Ахматова. Затем они снова возвращаются на Большую Морскую. Всего около полутора лет связан был О. М. с этим домом, адрес которого стал его последним в Петербурге-Петрограде-Ленинграде. В последующие наезды на берега Невы он останавливается у родных, живущих в гостиницах. Расставшись с квартирой на Большой Морской, Мандельштамы жили в Царском Селе, в пансионате Зайцевой на комнату у Лившицев в Китайской деревне, а зиму 1927-1928 гг., после поездки в Киев, и даже в Лицее. Тогда-то О. М. написал «Египетскую марку». Но, как выразилась позднее Н. М., «Ленинград уже не было...», и они перебираются в Москву.

В 1930 О. М. с женой приехал в Ленинград в надежде устроиться в нем надолго, но Н.С. Тихонов, возглавлявший

адское отделение Союза писателей, отказал ему в поддержке. Два с небольшим месяца О. М. жил у своего брата Е.Э. Мандельштама на 8 линии Васильевского острова в доме 31, а Н. М. – у своей сестры. Анимал отдельную от квартиры комнату, предназначенную для сушки белья. В ней и было написано свое стихотворение «Я вернулся в мой город, знакомый до слез...»: «Петербург! У меня еще есть адреса, По крайней мере голоса...». По чьему-то «недосмотру» оно появилось в «Литературной газете» 23 ноября 1930 года. На страницах той же газеты О. М. будет назван «идеологически чуждым». В конторе газеты «Известия» на Невском проспекте один из сотрудников сказал автору: «А знаете что бывает после таких стихов? Троек приходят...». Ждать этого оставалось полтора года. В феврале О. М. ненадолго въехал в комнату, временно занятую Тихоновым от Союза писателей (ее адрес неизвестен). Именно в Ленинграде поэта охватывает особенно предчувствие ареста и гибели. В той же комнате брата, выходящей на черную лестницу, были написаны строки «Помоги, Господь, эту ночь прожить...». В Петербурге жить – словно спать в гробу», «Мы с тобой в посидим...», «Куда как страшно нам с тобой...». В новом городе места О. М. не нашлось, ему ясно дали знать жить здесь постоянно ему не разрешат. Чуждым и чужим оказался теперь О. М. в любом городе своего рождения.

Пока только один ленинградский журнал его изредка печатал – «Звезда», на страницах которой в 1930-е годы появляются несколько скромных подбородков стихотворений и цикл «Путешествие в Армению» в майском номере за 1931 год. Издательство писателей в Ленинграде его сборники порою доводились до корректировки, но так и не выходили. Время потребовалось гражданское мужество, когда во время своего очередного приезда в Ленинград на вечера поэзии в Доме Печати по Фонтанке, 7, на провокационный вопрос об отношении его к современному русскому поэзии, он, по воспоминаниям Е.М. Тагер, бросил в замерший зал: «Чего вы ждете от меня? Какого ответа? Я – современник Ахматовой!». Последовал шквал рукоплесканий. Зал Дома Печати был полон. Среди прочитанного О. М. было и стихотворение, которым он откликнулся как сердечным признанием петербургской юности – «С миром державным я был лишь ребячески связан...». И над лимонной Невою...»

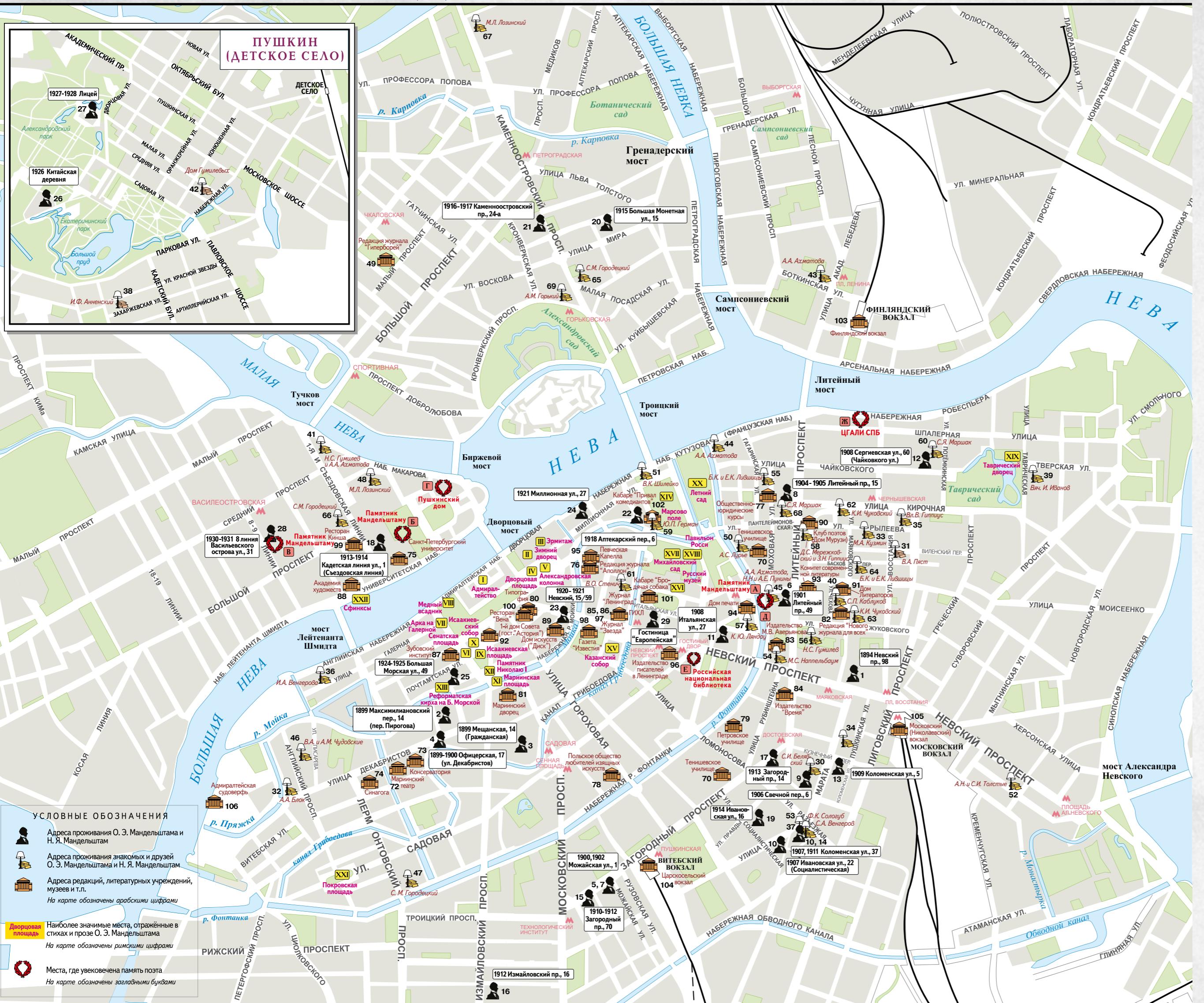
Прошлое не только прекрасный Петербург детства поэта, но и голодный Петроград, в котором ценились и еще ценятся его стихи. Мандельштамы остановились на этот раз в гостинице «Европейская». Ахматова вспоминала: «в мае (в 1933 г.) ...О.Э. встречали в Ленинграде как великого поэта, persona grata и т. п., к нему в Европейскую гостиницу на поклон пошел весь литературный Ленинград (Тинянов, Эйхенбаум, Гуковский) и его приезд, и вечера в гостинице, о котором вспоминали много лет». Последнее публичное выступление О. М. в Ленинграде состоялось в мае приезда – 2 марта 1933 г. в зале Капеллы у Певческого моста через Мойку. В апреле (?) 1934 г., в другой приезд в Ленинград, произошло его столовение с А.Н. Толстым в «Издательстве писателей в Ленинграде» на Невском проспекте, М. нанес Толстому пощечину. Эпиграмма на Сталина была уже написана. 13 мая 1934 О. М. был арестован в последовала ссылка в Чердынь, затем в Воронеж. И вдали от Петербурга любимый город вспоминался поэту: «...сплынула из смысла в мае 1937 г., О. М. приехал на два дня в Ленинград проститься с друзьями, как бы предчувствуя арест. С вокзала заехали к Сельвинскому, потом поехали на дачу Лозинского под Лугу, оттуда в Сиверскую, башню, чтобы попрощаться жившего там отца. Вернувшись в город, ночевали в Фонтанском Доме у Ахматовой,

брата, чтобы повидать жившего там отца. Вернувшись в город, ночевали в Фонтанном Доме у Ахматовой, и на дачу к Зощенко в Сестрорецк, посетили и С.Я. Маршака. Собирали деньги и вещи. Но многие из знакомых переходили на другую сторону улицы, завидев О. М. Через три месяца, осенью, О. М. с женой в третий раз приехал в Ленинград. Последний дом, который он посетил – дом на канале Грибоедова, 9, где жили ленинградские писатели. Здесь, в маленькой двухкомнатной квартире В.О. Стенича, вскоре арестованного и высланного в Сибирь, О.М., в присутствии узкого круга людей, среди которых были Ахматова и Н.К. Чуковский, читал свои стихи. Чуковского, «читал много, увлеченно, всю долгую угрюмую ленинградскую ночь напролет...». Потом были различные проводы на Московском вокзале. «Время было апокалиптическое», – заметила Ахматова, вспомнив эту свою встречу с О. М. и О. М. с Петербургом. Ахматова посвятил О. М. стихотворение «Немного географии» («лицею европейской...»), одно из своих самых пронзительных произведений, связанных с Петербургом::
петь первым поэтом,
гешинами – и тобой».
Бородкин намечал дальнейший маршрут О. М.: «В трупный сумрак прогнивших нар...»
38 г. в Саматихе О. М. арестовали во второй раз: он умер в лагере, на Владивостокской пересыпалке, 27 декабря

Петербург никогда не забывал своего поэта. Но увековечение его памяти началось с мемориальной доски, открытой в 1991 г. на доме 31 по 8 линии Васильевского острова. На граните высечена первая строка написанного здесь стихотворения: «Я вернулся в мой город, знакомый до слез...». 30 июня 2007 г., к 70-летию Большого террора, во дворе Дома (б. Шереметьевского дворца) был открыт первый в Петербурге памятник О. М. – элемент экспозиции музея Ахматовой в Фонтанном Доме (вход с Литейного пр., 53). Нефигуративная композиция из габбро (автор – скульптор В. Бухаев), установленная у самого входа в подъезд, где жила Ахматова, – своего рода памятник тени поэта, что вошедшего в парадное. 25 мая 2010 г. во дворе Филфака Санкт-Петербургского государственного университета был открыт «Памятник любви» – скульптурная композиция Осипа и Надежды Мандельштам (авторы – скульптор и художник Х. Де Мунк и С.Х. Баккер).

- 1 -

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ В ПЕТЕРБУРГЕ

Адреса Мандельштама и его семьи

1. 1894 Невский пр., 98.
  2. 1898 Максимилиановский пер., 14.
  3. 1899 Мещанская (Гражданская) ул., 14.
  4. 1899–1900 Офицерская (Декабристов) ул., 17.
  5. 1900 Можайская ул., 1.
  6. 1901 Литейный пр., 49.
  7. 1902 Можайская ул., 1.
  8. 1904–1905 Литейный пр., 15.
  9. 1906 Свечной пер., 6.
  10. 1907 Ивановская (Социалистическая) ул., 22 и Коломенская ул., 37.
  11. 1908 Итальянская ул., 27.
  12. 1908 Сергиевская ул., 60.
  13. 1909 Коломенская ул., 5.
  14. 1911 Коломенская ул., 37.
  15. 1910–1912 Загородный пр., 70.
  16. 1912 Измайловский пр., 16, кв. 29.
  17. 1913 Загородный пр., 14.
  18. 1913–1914 Кадетская (Сызгодовская) линия, 1, кв. 15.
  19. 1914 Ивановская (Социалистическая) ул., 16.
  20. 1915 Большая Монетная ул., 15.
  21. 1916–1917 Каменноостровский пр., 24-а.
  22. 1918 Аптекарский пер., 6., кв. 8.
  23. 1920–1921 Невский пр., 15/59. Дом Искусств.
  24. 1921 Миллионная ул., 27. Дом Ученых.
  25. 1924–1925 Большая Морская ул., 49.
  26. 1926 Детское Село, Китайская деревня.
  27. 1927–1928 Детское Село, комната в Лицее.
  28. 1930, дек.–1931, янв. В.О., 8-я линия, 31.
Дом отмечен мемориальной доской.
  29. Михайловская ул., 1. Гост. «Европейская».

Адреса родственников, друзей и знакомых

30. С.И. Беляевский, репетитор О.М. Николаевская (Марата) ул., 33.

31. В.А. Пяст. Виленский пер., 3. 1911–1915.

32. А.А. Блок. Офицерская (Декабристов) ул., 57. 1912–1921.

33. М.А. Кузмин. Спасская (Рылеева) ул., 17. 1915–1936.

34. Б.Н. Синани. Пушкинская ул., 17. 1906–1911.

35. Вл.В. Гиппиус. Спасская (Рылеева) ул., 26. 1907.

36. И.А. Венгерова. Галерная ул., 63.

37. С.А. Венгеров. Разъезжая ул., 39.

38. И.Ф. Анненский. Царское (Детское) Село. Захарьевская ул.

39. Вяч.И. Иванов. Таврическая ул., 25 (ныне 35).

40. С.П. Каблуков. Эртельев пер. (ул. Чехова), 11.

41. Н.С. Гумилев и А.А. Ахматова. Тучков пер., 17 («Тучка»).

42. Дом Гумилевых. Царское (Детское) Село. Малая ул., 63. 1909–1915.

43. А.А. Ахматова. Боткинская ул., 9.

44. А.А. Ахматова. Наб. Фонтанки, 2 (дом Бурова).

45. А.А. Ахматова. Н.Н. и А.Е. Пунины. Наб. Фонтанки, 34. («Фонтанный Дом»).

46. В.А. и А.М. Чудовские. Алексеевская (Писарева) ул., 5. 1915.

47. С.М. Городецкий. Наб. Фонтанки, 143. 1912.

48. М.Л. Лозинский. Волховской пер., 2, кв. 27. 1912.

49. Журнал «Гиперборей». П.С., Малый пр., 26/28.

50. А.С. Лурье. Наб. Фонтанки, 18. 1922.

51. В.К. Шилейко. Дворцовая наб., 6. 1922.

52. А.Н. и С.И. Толстые. Невский пр., 147. 1911.

53. Ф.К. Сологуб. Разъезжая ул., 31.

54. М.С. Напельбаум. Невский пр., 72. 1920-е.

55. Б.К. и Е.К. Ливвиши. Гагаринская ул., 14. 1926.

56. Н.С. Гумилев. Ул. Жуковского, 5.

57. К.Ю. Ландau. Наб. Фонтанки, 23, кв. 3.

58. Д.С. Мережковский и З.Н. Гиппиус. Литейный пр., 24. 1910.

59. Ю.П. Герман. Марсово поле, 7.

60. С.Я. Маршак. Потемкинская ул., 5. 1925.

61. В.О. Стенин. Кан. Грибоедова, 9. 1930-е.

62. К.И. Чуковский. Кирочная ул., 7. 1925.

63. К.И. Чуковский. Надеждинская (Маяковского) ул., 9. 1933.

64. Б.К. и Е.К. Ливвиши. Басков пер., 19. 1930-е.

65. С.М. Городецкий. Малая Посадская ул., 14. 1915.

66. С.М. Городецкий. В.О., 1-я линия, 4. 1914.

67. М.Л. Лозинский. Каменноостровский пр., 73-75. 1915.

68. С.Я. Маршак. Пантелеимоновская ул., 14. 1930-е.

69. А.М. Горький. Кронверкский пр., 23. 1920–1921.

Адреса учебных заведений, обществ, издательств, типографий, ресторанов и других мест, где бывал О.М.

70. Тенишевское училище. Загородный пр., 17. 1899–1900.
  71. Тенишевское училище, Моховая ул., 33-35. 1900–1907.
  72. Марининский театр. Театральная пл., 1.
  73. Консерватория. Театральная пл., 3.
  74. Синагога. Лермонтовский пр., 2.
  75. Санкт-Петербургский университет. Университетская наб., 11. (Ист.-фил. фак).
  76. Журнал «Аполлон». Наб. Мойки, 24.
  77. Общественно-юридические курсы, Гагаринская ул., 16. (Место собраний Религиозно-философского общества).
  78. Польское общество любителей изящных искусств. Наб. Фонтанки, 83. (Место собраний Религиозно-философского общества).
  79. Петровское училище. Наб. Фонтанки, 62. (Место собраний Религиозно-философского общества).
  80. Типография на угл. Гоголя (Малая Морская ул.), 9.
  81. Марининский дворец. Исаакиевская пл., 6.
  82. «Новый журнал для всех». Эртельев пер. (ул. Чехова), 3.
  83. Издательство М.В. Аверьянова. Наб. Фонтанки, 38.
  84. Издательство «Время». Троицкая (Рубинштейна) ул., 4.
  85. Журнал «Звезда». Невский пр., 28 (Дом книги).
  86. Журнал «Ленинград». Невский пр., 28 (Дом Книги).
  87. Зубовский институт. Исаакиевская пл., 5.
  88. Академия художеств. Университетская наб., 17.
  89. Дом Искусств («ДИСК»). Невский пр., 15/59.
  90. Клуб поэтов (Дом Мурузи). Литейный пр., 24.
  91. Дом Литераторов. Бассейная (Некрасова) ул., 11.
  92. 1-й дом Совета (гост. «Астория»). Большая Морская ул., 39.
  93. Комитет современной литературы. Бассейная (Некрасова) ул., 1.
  94. Дом Печати. Наб. Фонтанки, 7.
  95. Певческая Капелла. Наб. Мойки, 20.
  96. Издательство писателей в Ленинграде. Невский пр., 35 (в помещении Гостиного двора).
  97. Государственное издательство художественной литературы (ГИХЛ). Невский пр., 28 (Дом книги).
  98. Отделение газеты «Известия ЦИК СССР». Невский пр., 19.
  99. Ресторан Кинша. В.О., угол 1-й линии и Большого пр.
  100. Ресторан «Венеция». Ул. Гоголя (Малая Морская), 13/8.
  101. Кабаре «Бродячая собака». Михайловская пл. (пл. Искусств), 5.
  102. Кабаре «Привал комедиантов». Марсово поле, 7.
  103. Финляндский вокзал.
  104. Царскосельский (Витебский) вокзал.
  105. Николаевский (Московский) вокзал.
  106. Адмиралтейская судоверфь.

Места, упоминаемые в произведениях О.Э. Мандельштама

I	Адмиралтейство	XIII	Реформатская кирха на Большой Морской
II	Зимний дворец	XIV	Марсово поле
III	Эрмитаж	XV	Казанский собор
IV	Дворцовая пл.	XVI	Русский музей
V	Александровская колонна	XVII	Михайловский сад
VI	Сенатская пл.	XVIII	Павильон-пристани (1825) работы К.И. Росси в Михайловском саду
VII	Арка на Галерной	XIX	Таврический дворец
VIII	Медный Всадник	XX	Летний сад
IX	Исаакиевская пл.	XXI	Покровская пл.
X	Исаакиевский собор	XXII	Сфинксы на Университетской наб.
XI	Марининская пл.		
XII	Памятник Николаю Первому		

Места, где увековечена память поэта

- A. Памятник (ск. В. Бухаев). Литейный пр., 53.
Во дворе музея А.А. Ахматовой. 2007.
  - B. Скульптурная композиция О. М. и Н. М. (голландские ск. и худ. Х. Де Мунк и С.Х. Баккер).
Университетская наб., 11. 2010.
  - V. Мемориальная доска (ск. Ф.А. Гепнер). В.О., 8-я линия, 31. 1991.
  - G. Рукописный отдел Института Русской литературы РАН. Наб. Макарова, 4.
  - D. Отдел рукописей Музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме. Литейный пр., 53.
  - E. Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки. Садовая ул., 18.
  - J. Центральный Государственный архив литературы и искусства г. Санкт-Петербурга. Шпалерная ул., 34.